

4. Новопавловская С.Л. Использование сети Интернет для нелегального оборота наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-seti-internet-dlya-nelegalnogo-oborota-narkoticheskikh-sredstv-psihotropnyh-veschestv-i-ih-analogov>.

5. На Алтае перекрыли крупный канал поставки наркотиков. URL: <https://rg.ru/2019/08/28/reg-sibfo/na-altae-perekryli-krupnyj-kanal-postavki-narkotikov.html>.

6. Пятеро алтайских школьников окажутся на скамье подсудимых. URL: <https://www.amic.ru/news/445455/>.

7. Итоги мониторинга наркоситуации в Алтайском крае за 2018 год. URL: https://www.altaregion22.ru/public_reception/on-line-topics/18636/.

8. Особенности борьбы с наркопреступностью в сфере информационно-телекоммуникационных технологий. URL: <http://www.ormvd.ru/pubs/102/drug-control/>.

9. Глушков Е.Л. Сбыт наркотических средств бесконтактным способом посредством сети Интернет: пути выявления и раскрытия. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sbyt-narkoticheskikh-sredstv-beskontaktnym-sposobom-posredstvom-seti-internet-puti-vyyavleniya-i-raskrytiya/viewer>.

10. Ищенко Е.П. Виртуальный криминал. М., 2013.

УДК 343.4

ББК 67.408.1

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ НЕНАВИСТИ ЛИБО ВРАЖДЫ, А РАВНО УНИЖЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДОСТОИНСТВА, СОВЕРШЕННЫХ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Н. В. Тыдыкова

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Автор анализирует практику применения этого состава преступления и отмечает две тенденции. Первая состоит в неоправданном расширении круга деяний, за которые наступает уголовная ответственность. Такая практика не находит поддержки в теории уголовного права и вызывает возмущение в обществе. С целью преодоления этой проблемы Верховный суд дал разъяснения, в соответствии с которыми для вменения рассматриваемого состава необходимо установить ряд обстоятельств, помимо самого факта размещения в сети Интернет изображения или текста. Вторая тенденция правоприменительной практики объединяет случаи более продуманного подхода, когда для решения вопроса о наличии состава учитывается целый комплекс обстоятельств. Приводятся примеры, когда до соответствующих разъяснений Верховного суда в правоприменительной практике высказывались идеи о необходимости анализа всех обстоятельств содеянного, в частности, целевой направленности размещения материалов. Это позволило сделать вывод о том, что Верховный суд не сформулировал новых правил, а указал на подход, который является единственным верным в свете принципа субъективного вменения. Автор доказывает, что не любое распространение материала может быть признано направленным на возбуждение у кого-либо ненависти или вражды, либо унижение достоинства. Необходимо с помощью ряда признаков определять, какую именно идею транслировало лицо.

Ключевые слова: экстремизм, ненависть и вражда, Интернет, социальная сеть, унижение человеческого достоинства.

PROBLEMS OF QUALIFICATION OF EXCITATION FOR HATEING OR ENMITY, AS ABASEMENT OF HUMAN DIGNITY, COMMITTED ON THE INTERNET

N. V. Tydykova

Altai State University (Barnaul, Russia)

The author analyzes the practice of applying this corpus delicti and notes two trends. The first is to unjustifiably expand the range of acts for which criminal liability arises. This practice does not find support in the theory of criminal law and causes outrage in society. To overcome this problem, the Supreme Court gave explanations, according to which, for the imputation of the composition under consideration, it is necessary to establish a number of circumstances, in addition to the fact of placing an image or text on the Internet. The second trend of law enforcement practice unites cases of a more thoughtful approach, when a whole complex of circumstances is taken into account to solve the issue of the composition of the composition. Examples are given when, prior to the relevant clarifications of the Supreme Court in law enforcement practice, ideas were expressed about the need to analyze all the circumstances of the deed, in particular, the targeted orientation of the placement of materials. This led to the conclusion that the Supreme Court did not formulate new rules, but pointed to an approach that is the only true one in the light of the principle of subjective imputation. The author argues that not every dissemination of material can be recognized as aimed at inciting hatred or enmity from someone, or humiliating dignity. It is necessary, with the help of a number of signs, to determine which particular idea the person broadcast.

Keywords: extremism, hatred and enmity, Internet, social network, abasement of human dignity.

Doi: [https://doi.org/10.14258/ralj\(2020\)1.9](https://doi.org/10.14258/ralj(2020)1.9)

УК РФ содержит целый ряд составов преступлений экстремистской направленности [1, с. 279–282]. Еще с момента появления в УК РФ составов экстремистских преступлений в литературе по уголовному праву активно критиковался подход законодателя к формулировкам таких составов. Основное направление критики — отсутствие четкости формулировок, не позволяющее точно разграничивать деяния, обладающие общественной опасностью и попадающие в круг преступлений, и деяния, не являющиеся таковыми. Однако проблема эта обусловлена не только дефектами диспозиций статей из-за низкого качества юридической техники, но и проблемой определения экстремизма (особенно религиозного) как такового. С этой проблемой сталкивается не только российская правовая система [2].

В последние годы, особенно с учетом правоприменительной практики, в литературе отмечается проблема криминализации и расширительного толкования экстремистских составов, что в конечном итоге приводит к дискредитации работы правоохранительных органов [3, с. 84–88]. Особенно проблемным с этих позиций всегда был состав преступления, предусмотренный ст. 282 УК РФ [4, с. 27–33; 5, с. 81–84]. Состав преступления сконструирован таким образом, что требует установления направленности действий на возбуждение ненависти либо вражды, либо на унижение достоинства человека или группы лиц по ряду указанных признаков. Это формальный состав, поэтому не требуется фактическое наступление указанных последствий для признания его оконченным. Именно это обстоятельство в ряде случаев позволило привлечь к уголовной ответственности лиц, которые разместили в сети Интернет материалы, которые, по мнению заявителей, могли возбудить ненависть либо вражду, либо унижить человеческое достоинство.

Так как целый ряд уголовных дел о таких преступлениях вызвал общественный резонанс, недовольство и страх со стороны граждан, то обсуждение проблемы из строго научной плоскости перешло в общественную. Так, например, резонансным стало уголовное дело в отношении жительницы города Барнаула Алтайского края, которая в социальной сети разместила картинки, в частности, такую: изображение крестного хода, который идет по разбитой дороге с лужами, надпись: «Две главные беды России». Девушке предъявили обвинение по двум статьям: «Возбуждение ненависти либо

вражды» (ч. 1 ст. 282 УК РФ) и «Оскорбление чувств верующих» (ч. 1 ст. 148 УК РФ) [6, с. 6–7]. Такого рода практика не является лишь региональной особенностью, так как в других субъектах РФ возбуждаются аналогичные дела. Например, в 2016 г. в городе Москва возбуждено уголовное дело в отношении гражданки, которая опубликовала в социальной сети символику запрещенного в РФ «Исламского государства» и картинку с изображением сцены казни, а позже удалила. Эксперты по просьбе следователей восстановили эту публикацию и установили, когда эта запись была удалена. Было возбуждено уголовное дело, обвиняемую задержали и поместили по решению суда под стражу. Дело закончилось вынесением обвинительного приговора и назначением штрафа как вида уголовного наказания [7]. Подобные примеры можно привести и по другим субъектам РФ.

Из вышеуказанных примеров с очевидностью не просматривается желание лиц возбудить у кого-либо ненависть или вражду либо унижить чье-то достоинство по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, принадлежности к какой-либо социальной группе путем размещения описанных картинок. Особенностью общения в социальных сетях последних лет является размещение, просмотр и комментирование различных текстов, изображений, аудиофайлов и видеофайлов. Возможно, в вышеописанных случаях причины размещения этих картинок были не связаны с желанием возбудить ненависть или кого-то оскорбить, а, например, были расценены как имеющие художественную ценность, забавные, познавательные, поучительные, возмутительные и т. п. Не следует забывать и об особенностях копирования и распространения изображений в социальных сетях.

Такие понятия, как «лайк», «дизлайк», «репост» и «ретвит», не имеют легальных определений и технически различно реализованы в разных социальных сетях. Традиционно «ретвит» и «репост» означают процесс дублирования записи пользователя (которую также называют постом) к себе на страницу, а «лайк» — что пользователь одобряет материал. В одних ресурсах разработчики предлагают «лайк» ставить в случаях, когда материал нравится, пользователь с ним согласен, поддерживает, «дизлайк» — для выражения несогласия. В других сетях предусмотрено одно действие для всех эмоций: нравится, возмущен, поддерживаю, протестую, негодую, сочувствую, советую ознакомиться и т. п. В одних сетях «лайки» и «репосты» — разные действия, в других они совпадают и «лайк» влечет «репост», т. е. отражение этого материала на странице пользователя, который поставил «лайк». В отдельных сетях простое комментирование чужого материала отражается на странице пользователя и становится доступным другим пользователям, в том числе и сам комментируемый материал.

Таким образом, и в случае «лайка», и в случае «ретвита», «репоста», само по себе действие ни о чем не говорит. Цель распространения может быть и в том, чтобы другие лица ознакомились, были в курсе возмутительного материала, предприняли меры противодействия или подготовили ответные аргументы. Также лицо могло и не знать об оскорбительном содержании материала. Например, некто добавляет на страницу видеоматериал с интересным для него названием, чтобы посмотреть в другое время. Особенности содержания выясняются намного позже или вообще не выясняются, так как лицо в последующем не смотрит этот материал. А все это время материал находится на странице в свободном доступе. Не следует исключать и возможности случаев, когда материал (например, видеофайл) экстремистского характера находится в свободном доступе с нейтральным наименованием, из которого не следует указанная специфика, а другой пользователь сохраняет его на своей странице для последующего ознакомления.

Поэтому в каждом случае необходимо выяснять, известен ли и понятен ли пользователю смысл материала, нравится ли он ему, согласен ли он с ним или делится своим возмущением, а может, ему нравится отдельная деталь материала, не связанная с его общим смыслом. А самое главное — имело ли лицо цель возбудить ненависть или вражду либо унижить достоинство человека или группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии либо принадлежности к какой-либо социальной группе.

Нельзя не сказать и о такой проблеме сенсорных устройств, как возможность в процессе движения страницы случайно поставить «лайк» на материал и случайно распространить информацию экстремистского характера, даже не заметив этого.

Сказанное демонстрирует необходимость четкого разграничения случаев, где действия были направлены на возбуждение ненависти или вражды либо унижение достоинства и по этой причине обладали общественной опасностью, и случаев, где нет ничего подобного.

Думается, что первым шагом к решению обозначенной проблемы можно считать дополнения от 20.09.2018 в постановление Пленума Верховного суда РФ от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности». Действующее постановление было дополнено рекомендациями о том, что размещение лицом в сети Интернет или иной информационно-телекоммуникационной сети, в частности, на своей странице или на страницах других пользователей материала (например, видео-, аудио-, графического или текстового), созданного им самим или другим лицом, включая информацию, ранее признанную судом экстремистским материалом, может быть квалифицировано по ст. 282 УК РФ только в случаях, когда установлено, что лицо, разместившее такой материал, осознавало направленность деяния на нарушение основ конституционного строя, а также имело цель возбудить ненависть или вражду либо унижить достоинство человека или группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии либо принадлежности к какой-либо социальной группе.

Судам рекомендовано при решении вопроса о наличии или отсутствии у лица прямого умысла и цели возбуждения ненависти либо вражды, а равно унижения человеческого достоинства при размещении материалов в сети Интернет или иной информационно-телекоммуникационной сети исходить из совокупности всех обстоятельств содеянного и учитывать, в частности, форму и содержание размещенной информации, ее контекст, наличие и содержание комментариев данного лица или иного выражения отношения к ней, факт личного создания либо заимствования лицом соответствующих аудиофайлов, видеофайлов, текста или изображения, содержание всей страницы данного лица, сведения о деятельности такого лица до и после размещения информации, в том числе о совершении действий, направленных на увеличение количества просмотров и пользовательской аудитории, данные о его личности (в частности, приверженность радикальной идеологии, участие в экстремистских объединениях, привлечение ранее лица к административной и (или) уголовной ответственности за правонарушения и преступления экстремистской направленности), объем подобной информации, частоту и продолжительность ее размещения, интенсивность обновлений. Также Верховный суд напомнил о существовании в УК РФ правила о малозначительности [8].

Таким образом, без изменения самого текста УК РФ Верховный суд РФ пытается дать единый вектор для всей правоприменительной практики. В целом такие дополнения получили положительную оценку у специалистов по уголовному праву [9, с. 78]. Кстати, некоторые рекомендации Верховного суда не являются новеллами, а скорее отражают наиболее разумные позиции правоприменительной практики. Так, например, еще до рассматриваемых рекомендаций по одному делу сторона защиты заявила, что при вынесении приговора, которым Ш. была признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. «б» ч. 2 ст. 282 УК РФ, судом допущено неправильное применение уголовного закона, а выводы суда не соответствуют фактическим обстоятельствам дела. Приводя п. 8 постановления Пленума ВС РФ от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности», защитник указал, что одного лишь факта нахождения где-либо экстремистских материалов недостаточно для того, чтобы сделать вывод о том, что было совершено преступление, а тем более сделать вывод о виновности кого-либо в этом преступлении. Допрошенные в суде свидетели показали, что никогда не слышали от Ш. экстремистские высказывания, направленные на возбуждение ненависти, вражды или на унижение человеческого достоинства, в частности, высказывания антироссийского или антирусского характера. По мнению защиты, вывод суда о том, что у Ш. имелась цель возбуждения у кого-либо ненависти и вражды, а также унижения достоинства группы лиц по признакам национальности, не подтверждается ни одним имеющимся в деле доказательством и опровергается показаниями свидетелей [10].

По другому делу Б. виновным себя не признал, не отрицая факты выкладывания им в сеть Интернет указанных картинок, сообщил, что ему было неизвестно, что они содержат пропаганду и унижение человеческого достоинства, умысла на их распространение не имел. Защитник Б. обратил внимание суда на то, что проведенная в ходе расследования экспертиза не установила, что целевая направленность действий публикатора состояла не в том, чтобы посеять религиозную вражду и пред-

принять какие-либо действия, а лишь проявить свою индивидуальность, привлечь к себе внимание со стороны общества [11].

В литературе по уголовному праву соответствующей тематики ранее также были высказаны идеи о необходимости учета контекста размещения информации [12, с. 7–8]. Это означает, что проблема некорректного применения уголовного закона не столько в том, что формулировка ст. 282 УК РФ страдает неопределенностью, сколько в ее непрофессиональной трактовке некоторыми правоприменителями.

Такой подход видится единственно верным, так как ч. 2 ст. 5 УК РФ запрещает объективное вменение. Лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные деяния и наступившие последствия, в отношении которых установлена вина.

Следующим шагом к построению системы, в которой только деяния, обладающие общественной опасностью, влекут уголовную ответственность, стало внесение изменений в ст. 282 Уголовного кодекса РФ Федеральным законом от 27.12.2018 № 519-ФЗ. Этим законом ст. 282 УК РФ представлена в новой редакции. Теперь действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, совершенные публично, в том числе с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет, образуют состав преступления в следующих случаях: если совершены лицом после его привлечения к административной ответственности за аналогичное деяние в течение одного года; если совершены с применением насилия или с угрозой его применения; если совершены лицом с использованием своего служебного положения; если совершены организованной группой.

Такой подход кажется рациональным. Он обеспечивает как охрану общественных отношений от посягательств, предупреждает совершение экстремистских преступлений, так и защищает от необоснованного привлечения к уголовной ответственности. Можно, конечно, предположить, что такой подход будет критиковаться из-за якобы ослабления защиты общественных отношений от явных ярко выраженных посягательств, совершенных лицом впервые. Однако думается, что защита возможна и эффективна не только методами уголовного права, но и методами других отраслей. Применение же уголовно-правовых механизмов должно допускаться только в определенных случаях.

Таким образом, в настоящее время идет процесс создания условий для правильного и обоснованного применения уголовного закона в части привлечения к уголовной ответственности за совершение преступлений экстремистского характера и отграничения преступлений от правонарушений.

Библиографический список

1. Куковякин А. Е. Объем понятия экстремистского преступления // Вестник Омского ун-та. Серия: Право. 2015. № 2 (43).
2. Hutton R. Religion or Extremism? A Global Workplace Issue: Part I // The American Lawyer. 2017. № 15.
3. Юшина Ю. В., Евтушенко И. И. О совершенствовании мер уголовно-правового противодействия преступлениям террористической и экстремистской направленности // Общество и право. 2016. № 3 (57).
4. Гордеев Н. С. Российская политика по противодействию экстремизму: запланированный хаос? // Социально-политические науки. 2015. № 4.
5. Климов А. Ю., Климова В. О. Предупреждение преступлений экстремистской направленности. // Закон и право. 2019. № 1.
6. Васильчук Т., Докшин В. Как картинка ляжет // Новая газета. 2018. № 86.
7. Полетаев В. Студентку медвуза оштрафовали за перепост экстремистской публикации. URL: rg.ru/2016/08/18/reg-cfo/studentku-medvuza-oshtrafovali-za-perepost-ekstremistskoj-publikacii.html.
8. О внесении изменений в постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности»: постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации № 32 от 20.09.2018. URL: <http://www.vsrfr.ru/documents/own/27145/>.

9. Костылева О. В. Уголовная ответственность за возбуждение ненависти или вражды: новые разъяснения Пленума Верховного суда РФ и международные стандарты в области прав человека // Уголовное право. 2018. № 6.

10. Апелляционное определение Московского городского суда от 24.04.2018 № 10–4855/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

11. Апелляционное постановление Московского городского суда от 06.12.2017 по делу № 10–19332/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

12. Алаторцев А. Ю. Новые разъяснения Пленума Верховного суда об уголовной ответственности за экстремизм в Интернете в контексте принципа правовой определенности // Уголовное право. 2017. № 2.